

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

индийской экономической жизни мы никогда не поймем Индии и ее сложной истории.

Но если доклады конференции представляются нам мало между собою согласованными, если мы видим в них большую случайность затронутых и обсужденных вопросов, то зато выносите чрезвычайно яркое впечатление о неисчерпаемом почти количестве ценнейших материалов письменных и вещественных, которые имеются в Индии для надлежащего освещения ее истории в течение более чем четырех тысячелетий. Нужны только головы и руки для того, чтобы надлежащим образом использовать этот материал: история Индии необыкновенно важна для понимания истории человечества вообще, а эта история нам необходима для надлежащего понимания действительности.

Надо пожелать, чтобы следующая конференция прошла более организованно и планомерно, силы для этого в Индии есть, пусть они в Мадрасе постараются выявить то большое, что юг дал для культуры Индии. *Сергей Ольденбург.*

◆ Provincial Geographies of India. General Editor Sir T. H. Holland: Sir I. Douie. The Panjab, North - West Frontier Province and Kashmir. Cambridge 1916. Стр. XIV + 373 in 8°; L. S. S. O'Malley. Bengal Bihar and Orissa Sikhim. Cambridge, 1917. Стр. XII + 317 in 8°; Sir H. Thirkell White. Burma. Cambridge, 1913. Стр. X + 226 in 8°. E. Thurston. The Madras Presidency with Mysore, Coorg and the associated States. — Провинциальные географические описания Индии.

Описаний Индии общих и описаний отдельных ее частей много; знаменитые Gazetteer, статистико-экономические сборники с многочисленными экскурсиями в разных областях, давно стяжали справедливую известность. В настоящее время сделана попытка дать под общей редакцией сэра Томаса Холланда серию областных описаний в более популярной форме. Мысль очень удачная; из серии вышло, повидимому, уже четыре тома; нам доступны три из них, которые обнимают восточную, северную, северо-западную часть Индии и Бирму. План всех, приблизительно, с некоторыми индивидуальными отступлениями, следующий: природа, естественные богатства; человек—этнография, история, археология; администрация, занятия, ремесла, промышленность, торговля, города; библиография главнейших трудов. В одном томе, Бирме, очень ценное прибавление: словарь технических туземных терминов, который очень облегчает чтение для неспециалиста.

Краткость изложения является, конечно, серьезным недостатком, так как многое остается недостаточно ясным, чувствуются значительные пропуски, но это недостаток общий всем кратким и популярным изложениям. Несмотря на эти недостатки, совершенно неизбежные, серия очень ценная, и надо желать ее скорейшего продолжения. Она может быть несомненно причислена к типу краеведческой литературы, значение которой все более и более понимается.

Сергей Ольденбург.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ.

◆ *Б. Я. Владимирцов. „Чингис-хан“.* Издательство Э. И. Гржебина. Берлин-Петербург-Москва. 1922. 176 стр. 8° мал.

К числу тех изданий Э. И. Гржебина, которым следует пожелать самого широкого распространения, принадлежит и „Чингис-хан“ Б. Я. Владимирцова, лучшая в настоящее время, насколько мне известно, книга по данному предмету не в одной только русской литературе. Из всей обширной литературы о Чингисхане автор называет, в качестве „имеющих особое значение“ пособий, только „Histoire des Mongols“ д'Оссона и „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“ пишущего эти строки. Автор вполне справедливо отдает старому труду д'Оссона (в текущем 1924 году исполнилось столетие со времени выхода первого издания) предпочтение перед более поздними западно-европейскими сочинениями, в том числе перед „History of the Mongols“ Ховорса (Howorth), вышедшей в 1876 г. (отрывок о Чингисхане через 25 лет, когда его давно уже успели опередить русские труды, был издан в русском переводе в Ташкенте). Говорить о „Туркестане в эпоху монгольского нашествия“ здесь не место, но, вероятно, ни сам автор, ни знакомые с моим трудом читатели не будут оспаривать, что из этого труда и из других моих работ о Чингисхане в книжку Б. Я. Владимирцова вошло очень многое. Источник, которым больше всего пользуется автор при воспроизведении личности Чингисхана — так называемое „Сокровенное сказание о монгольском народе“; как отметил Б. Я. Владимирцов в другом своем труде „Монголо-ойратский героический эпос“, 1923, предисловие), характер этого источника, как „богатырского сказания“, впервые был определен мною.

Само собою разумеется, что как этот источник, так и другие использованы в книжке Б. Я. Владимирцова совершенно самостоятельно, и из них извлечено гораздо больше подробностей, имеющих

значение для характеристики личности Чингис-хана. Бесспорное преимущество автора заключается в основательном знании языка и быта монголов. „Сокровенное сказание“ использовано им не только в переводе Палладия, сделанном с китайского, но и в монгольском подлиннике. В выдержках из „Сокровенного сказания“, приведенных автором, иногда встречаются характерные фразы, которых в переводе Палладия нет; напр., на стр. 30 слова богатыря Сорган-Ширы: „Вот именно за такие-то твои способности тайчиугты и ненавидят тебя, говоря, что у тебя огонь в глазах и свет на лице. Ты так и лежи, я не укажу“ (у Палладия: „Вот за такую-то сметливость твою, братья Дайчиугты ненавидят и преследуют тебя. Будь осторожен и лежи так, я не донесу на тебя“). Если, тем не менее, текст выдержек из „Сокровенного сказания“ в книжке Б. Я. Владимирцова, несмотря на доступность автору монгольского подлинника, большей частью буквально совпадает с текстом перевода Палладия, то это, повидимому, только лишний раз свидетельствует о достоинствах как китайского перевода XIV в., так и перевода великого русского синолога XIX в. Интересные факты, повидимому, лично установленные автором во время его путешествий; сюда относится сообщение о почитании современными монголами белого знамени (сульде) Чингиса, „того самого, которое ходило с войсками Чингис-хана от победы к победе“ (стр. 72) ¹⁾, при чем монголы при этом поминают хорезмшаха Джелал-ад-дина „и благодарят духа-хранителя войска за поражение, которое ему было нанесено“ (139).

Работа Б. Я. Владимирцова, таким образом, представляет шаг вперед по сравнению с прежними работами, но, по всей вероятности, она недолго останется последним словом науки по данному вопросу. Характерно, что среди пособий он не называет трудов сиологов, из китайских источников упоминает только официальную историю монгольской династии (Юань-ши) и записки китайских путешественников, видевших Чингис-хана — генерала Мэн-хуна и даосского монаха Чан-чуня. Таково, приблизительно, было состояние науки до настоящего времени (среди трудов сиологов по истории монголов нет ни одного, который мог бы выдержать хотя бы отдаленное сравнение с трудом д'Оссона);

¹⁾ Ц. Ж. Жамцарано, наоборот, слышал в южной Монголии в 1910 г., что 9-ножное белое знамя „сулде“ хранится в чертогах русского царя.

но теперь с синологической стороны к историкам предъявляются новые требования. Характерны в этом отношении слова проф. P. Pelliot (1920) в его отзыве о труде Маркварта: „il est aujourd'hui impossible d'étudier un sujet de l'époque mongole sans remonter aux sources d'après lesquelles a été écrite l'ancienne histoire officielle chinoise de cette dynastie, intitulée Yuan che“. Pelliot называет несколько таких источников, в том числе надгробные надписи, которым посвящены особые сборники. Кроме того, такой важный источник, как сочинение Мэн-хуна, „самое раннее“, по словам Pelliot, „сочинение о монголах“, требует, повидимому, нового перевода, так как перевод Васильева признается только „посредственным“ (переводом Палладия Pelliot отдает полную справедливость).

Б. Я. Владимирцовым тщательно использованы как рассказы видевших Чингис-хана китайцев — Мэн-хуна и Чан-чуня, так и скудные сведения, передаваемые мусульманскими историками, особенно Джузджани, со слов видевших Чингис-хана мусульман (непосредственно ни один рассказ мусульманина, который бы видел Чингис-хана собственными глазами, до нас не дошел). В сущности, мы только в этих рассказах находим объективно установленные факты, дающие возможность делать выводы о действительных чертах характера Чингис-хана. Предания самих монголов не только в том виде, как они изложены в „Сокровенном сказании“, но и в своей официальной версии, известной нам по двум редакциям, персидской (Рашид-ад-дин) и китайской (Юань-ши), излагают факты в явно эпическом освещении, при чем не всегда легко решить, какие из эпических подробностей являются отголоском действительных происшествий и какие обязаны своим происхождением исключительно эпическому трафарету, несомненно, уже существовавшему у монголов XIII в. Такой поэт, как автор „Сокровенного сказания“, древнейшего из дошедших до нас и в то же время, по отзыву Б. Я. Владимирцова, самого замечательного произведения монгольской литературы, не мог явиться без предшественников. Само собою разумеется, что мотивы эпической поэзии связаны с богатырским идеалом, идеал — с фактами жизни; но судить по эпическим рассказам о действительной жизни монгольской аристократии было бы столь же ошибочно, как судить о жизни европейского рыцарства по „рыцарским романам“.

Вопрос об отношении эпических рассказов к фактам в книге Б. Я. Владимирцова почти не затронут. Между тем,

в средне-азиатском эпосе для возникновения легенд не требуется большого промежутка времени. Младший сын Чингис-хана Тулуй умер в 1231 или в 1232 г., „Сокровенное сказание“ закончено в 1240 г.; между тем, явно легендарный рассказ о смерти Тулуя находится уже в „Сокровенном сказании“. Также быстро возникли легенды в средне-азиатских степях и впоследствии, что иногда вводило в заблуждение европейских исследователей. Эпический рассказ о бегстве Едигея с пира Токтамыша к Тимуру в 1391 г. находится уже у младшего современника Едигея, Ибн-Арабшаха, вследствие чего покойный П. М. Меллиоранский полагал, что сказание передает действительное происшествие; между тем, по более достоверному источнику, по ярлыку Токтамыша от 1393 г., Едигей был только посланцем мятежных царевичей и вельмож.

По предположению проф. Пеллио, судьба исторических лиц и в „Сокровенном сказании“ могла быть предметом эпических рассказов, совершенно лишенных фактической основы. Сюда относится, по его мнению, известный рассказ о бегстве Сенгуна Керайтского, об измене его конюшего и о наказании изменника Чингис-ханом. Б. Я. Владимирцов не касается этого рассказа, но придает много значения повторяющемуся в целом ряде других рассказов тому же эпическому мотиву и пользуется им для характеристики Чингис-хана; „он всегда поощрял верных слуг и наказывал смертью изменивших своему господину, хотя бы этот господин был злой враг самому Чингису“ (64). Такие же рассказы часто встречаются в монгольской истории после Чингис-хана, из чего покойным Н. И. Веселовским был сделан вывод, что „у кочевых народов северо-восточной Азии существовало вполне определенное представление о недопустимости убийства лиц знатных простыми людьми“. Н. И. Веселовский приводит рассказ, приведенный также Б. Я. Владимирцовым, о том, как Чингис-хан награждал двух вассалов своего главного врача, Таргутай - Кирильтука, отказавшихся от мысли привести к Чингис-хану своего господина и отпустивших его на волю. Замечательно, что о судьбе того же Таргутай - Кирильтука мы находим в другой версии монгольского предания, у Рашид-ад-дина, два других рассказа, совершенно непримиримые ни с рассказом „Сокровенного сказания“, ни между собой. По одному рассказу названные в „Сокровенном сказании“ лица в действительности привели Таргутай - Кирильтука к Чингис-хану; по другому — воины Чингис-хана убили Таргутай - Кирильтука

во время преследования. Наконец, у Рашид-ад-дина есть рассказ (персидский текст в этом месте несколько искажен), где, как в „Сокровенном сказании“, говорится, что захватившие Таргутай - Кирильтука некоторое время стерегли его, потом отпустили на волю.

Из этого видно, что установить по монгольским эпическим сказаниям фактические данные не так легко, как может показаться читателям книжки Б. Я. Владимирцова. „Сокровенное сказание“ довольно часто находится в противоречии с официальной версией эпоса; так, один и тот же варварский поступок (приказ сварить живыми пленными князьями в 70 котлах) приписывается у Рашид-ад-дина Чингис-хану, в „Сокровенном сказании“ — его сопернику Джамуге, из чего, между прочим, видно, что такая расправа вовсе не представлялась авторам эпоса отвратительной жестокостью. Б. Я. Владимирцов (49), по примеру Березина, принимает версию „Сокровенного сказания“; в связи с этим находится и его мнение (приблизительно то же самое раньше было высказано мною), что Чингис-хан „никогда не обнаружил какой-то особой жестокости и кровожадности“ (171). Совершенно различно рассказывается в „Сокровенном сказании“ и у Рашид-ад-дина о судьбе самого Джамуги, когда он был взят в плен Чингис-ханом. И в этом случае Б. Я. Владимирцов (69), по моему примеру, отдает предпочтение версии „Сокровенного сказания“; но не возможно, что действительности не соответствует ни та, ни другая версия и что Джамуга вообще не был взят в плен, а спасся бегством. В рассказе Джуейни о взятии Чингис-ханом Бухары (1220 г.) упоминается какой-то Гурхан, монгол, будто бы раньше находившийся на службе у Чингис-хана и перешедший от него к хорезмшаху Мухаммеду; этот Гурхан пал, храбро сражаясь, при защите бухарской цитадели. Известно (так и у Владимирцова, 51), что титул „гурхан“ носил Джамуга (правда, чтение „Гурхан“ находится не во всех рукописях труда Джуейни).

Повидимому, только из китайских источников могут быть извлечены новые фактические сведения о Чингис-хане; дальнейшее изучение мусульманских источников едва ли много прибавит к тому, что уже было приведено в известность предшественниками Б. Я. Владимирцова. Выражалась также надежда найти если не новые фактические сведения, то новый материал для характеристики самого Чингис-хана, его сподвижников и его народа в монгольской народной литературе.

Современный исследователь Ц. Ж. Жамцарано старался доказать, на основании собранных им материалов по „древней религии монголов“, что монголы находились под влиянием „не одного только честолюбия и не одной лишь жадны наживы“, но прежде всего под влиянием религиозного воодушевления: „монголы ежеминутно чувствовали над собой и под собой сотрудничество и волю богов — тенгриев. И Чингис в глазах массы является лишь посланником тенгрия, он — герой, он — божественен“. Б. Я. Владимирцов не идет, конечно, так далеко; но в характеристике личности и в объяснении действий Чингисхана и им, может быть, отводится слишком значительное место религиозному мирозерцанию. По мнению Б. Я. Владимирцова, Чингисхан постоянно чувствовал над собой особое покровительство „Вечного Синего Неба“ и верил выразителям небесной воли — шаманам. В расправе с шаманом Кэжчу я в свое время видел доказательство, что „Чингисхан лично был свободен от суеверного почитания шаманов“; по мнению Б. Я. Владимирцова (91), Чингисхану для этой расправы пришлось „подавить свой суеверный страх перед шаманом“. В источниках, насколько мне известно, никакого отголоска таких колебаний нет. В другом месте (174 и след.) Б. Я. Владимирцов выписывает из Рашид-ад-дина приписанный самому Чингисхану рассказ о том, как ему удалось одному справиться с шестью врагами и овладеть их конями. У Рашид-ад-дина Чингисхан этим рассказом хочет указать, что его не напрасно называют могучим богатырем, по Б. Я. Владимирцову — что „Небо не допустило ему умереть случайной смертью“.

Насколько этот рассказ соответствует действительным фактам, это, конечно, более чем спорно. В „Сокровенном сказании“ чаще приводятся факты противоположного характера, в которых Б. Я. Владимирцов видит доказательство отсутствия у Чингисхана „особой личной храбрости“ (173); в одном случае он „проявил себя осторожным до малодушия“ (36). Такие же противоречия в чертах характера Чингисхана отмечаются в других местах; „Чингисхан, несомненно, отличался подозрительной жадностью (выражение, конечно, не вполне удачное), ревниво оберегая свое достоинство“ (173); в то же время о нем говорили в народе: „Этот царевич Темучин снимает платье, которое носил, и отдает; с лошади, на которой сидел, сходит и отдает“ (60). Следовало бы, может быть, отметить, что эти противоречия находятся не в одном и том же

источнике, но зависят от противоположной тенденции двух основных версий эпоса о Чингисхане: степной или богатырской и придворной или династической. В первой версии нередко проявляется стремление прославить сподвижников Чингисхана в ущерб ему самому, во второй этого стремления, конечно, нет; из первой версии заимствуются рассказы, где проявляется жадность и малодушие, из второй — рассказы о щедрости и молодечестве.

В книге Б. Я. Владимирцова встречаются ссылки на „монгольские предания“ и „монгольские былины“, но вообще автор мало пользуется монгольской народной литературой, в чем он, по всей вероятности, прав. Между прочим, только в монгольских сказаниях воспевается Кулан, меркитская жена Чингисхана, при чем Чингисхан изображается „сильно увлеченным“ этой „прославленной красавицей“. По этому поводу ставится вопрос, едва ли не лишний: „любил ли когда-нибудь Чингис настоящей любовью какую-нибудь женщину?“ (162). Даже завоевателей, действовавших в иной культурной обстановке, напр., Александра Македонского или Наполеона, трудно представить себе „увлеченными любовью“; еще менее вероятен был бы такой эпизод в жизни Чингисхана, у которого, по словам Рашид-ад-дина, было до 500 жен и наложниц. В одном из приписанных Чингисхану изречений к женам предъявляется требование, чтобы они умели в отсутствие мужей держаться в порядке дом и достойно принимать гостя, вообще поддерживать славу своих мужей: „хорошие качества мужей узнаются по хорошим качествам жен“. В этом отношении официальная версия предания вполне сходится с „Сокровенным сказанием“; перечисляя преимущества Чингисхана перед собой, Джамуга, между прочим, говорит: „Жена моя болтунья“. Чингисхан, повидимому, был также счастлив в своих женах, как в своих сыновьях и сподвижниках. Трех его главным женам приписываются благоразумные советы, вызывающие одобрение их мужа; слова „Борте говорит дело“ и „Кулан говорит дело“ приводятся и в книге Б. Я. Владимирцова (42 и 163); в „Сокровенном сказании“ Чингисхану также приписываются слова: „Есуй говорит дело“, притом по еще более важному поводу: по вопросу о необходимости заблаговременно назначить наследника престола. Разумеется, в „Сокровенном сказании“, как во всяком богатырском эпосе, есть романтические эпизоды, но героем их не является Чингисхан; сюда относится приведенный у Б. Я.

Владимирцова (163) рассказ о вздохе, вырвавшемся у Есуй в присутствии ее прежнего жениха. Даже мать Чингисхана Оелун, впоследствии оказавшаяся мудрой домоправительницей и воспитательницей, сделалась женой Есугей-багатура против своей воли и трогательно простиалась со своим первым мужем, у которого ее насильно отняли: „Если сохранишь свою жизнь, пусть будет у тебя жена похожая на меня; коли будешь помнить обо мне, то назови другую жену свою моим именем“.

За последние годы в русской литературе, как понятная реакция против прежних крайностей, проявляется стремление доказать, что татары, завоевавшие Русь, вовсе не были кровожадными варварами и по уровню своей культуры превосходили чуть ли не всех своих современников. Б. Я. Владимирцов, конечно, чужд таких стремлений, но и у него мы встречаем несколько странные в устах историка слова: „Злодеяния, которые совершил Чингис или готов был совершить, находят себе смягчающие обстоятельства в возвращении той среды, в которой жил Чингис“ и т. д. (173). В подобных попытках оправдания не нуждается ни исторический народ, ни исторический деятель. Историк у приходится брать ход истории таким, каким он был и каким он не мог бы быть, если бы не было людей, готовых проливать кровь ради достижения своих личных честолюбивых целей. Находящаяся уже в „Сокровенном сказании“ легенда о том, что Чингисхан родился с комком запекшейся крови в руке, наглядно показывает, что количество крови, пролитой по повелению Чингисхана, поражало и его монголов, несмотря на то, что представление о нравственной ответственности перед „Вечным Небом“ не только было „смутным“, но едва ли вообще существовало. Монгольское язычество еще было на той стадии развития, когда в религиозные воззрения еще не вносятся этические начала.

С представлением о пролитой крови не только не связывалось представление о загробной ответственности, но, напротив, существовало представление, что убитые люди будут служить на том свете тому, кто их убил или ради кого они были убиты.

Исключительное внимание к личности своего героя несколько отвлекло Б. Я. Владимирцова от другой, может быть, еще более благодарной задачи: дать читателю ясное представление о той среде, географической, этнографической и культурной, в которой жил и действовал Чингисхан. Читатель популярной книжки

нуждался бы в гораздо более многочисленных и отчетливых пояснениях. Ему сообщается, что „Кучлук бежал в Семиречье, к господствовавшим там „Кара-Киданям“ (68); что перед Цзиньцами над Китаем властвовали кидане (102); что Кучлук воспользовался „движением мусульман против Гурхана, т. е. государя народа Кара-китаев, вышедшего из Китая и основавшего там (т. е. в Семиречье) государство в первой половине XII века“ (118); но нигде не сказано, что Кидань есть только китайская транскрипция народного названия Китая; не сказано тоже, как это народное название было перенесено на страну с совершенно иным составом населения. Рашид-ад-дин объясняет широкое распространение названия „татар“ исключительно возвышением татар около озера Буир-нур во второй половине XII в., т. е. историческим фактом, едва ли получившим сколько-нибудь широкую известность на Западе; он не мог знать, что народное название „татар“ встречается уже в VIII в. и было известно мусульманам уже в X в.; Б. Я. Владимирцов (15 и сл.) как будто принимает объяснение Рашид-ад-дина. Названия несуществующих теперь городов, как „Отрап“, приводятся без всяких пояснений. В словах об отрядах, посланных „вверх и вниз по Аму-Дарье“ (132), вместо „Аму-Дарье“, как видно из конспекта (130), надо читать „Сыр-Дарье“. Не говорится, что различие между словами хан (кан) „царь“ и каган „император“ (13 и сл.) первоначально не существовало и впоследствии соблюдалось далеко не всегда; поэтому читателю не объясняется, почему одни и те же лица называются то ханами, то каганами. Словом карачу обозначалось не только простонародье, в противоположность аристократии (13 и 42), но и весь народ, в противоположность ханскому дому. Сомнительно, чтобы „самым дивилизованным племенам тогдашней Монголии“ были найманы (64), а не жившие около великой стены „белые татары“ — онгуты (22). „Народом Сартагул“ монголы называли не только хорезмийцев (126), но вообще людей мусульманской культуры, особенно среднеазиатских принцев; Рашид-ад-дин обыкновенно передает слово „сартагул“ словом „таджик“. О распространении среди монголов христианства (известно, что новые сведения по этому вопросу добыты проф. Pelliot) и о роли мусульманских купцов могаи бы быть собраны более подробные сведения. Интересно было бы отметить, что по Абулфараджу христианкой была жена меркитского князя Даир-

Усуна, Туракина, впоследствии жена Угедея и мать Гуюка, тогда как сын Даир-Усуна, брат жены Чингис-хана, Кулан, носил имя Джемаль-ходжа, т. е., по всей вероятности, был мусульманином. Не говорится, что младший брат Чингис-хана, Темуге-отчигин, „очень любил постройку и веде, куда приходил, устраивал дворец, павильон и сад“ (слова Рашид-ад-дина), т. е. в большей степени, чем Чингис-хан, подчинился внешнему влиянию цивилизации. Не отмечаются те черты материальной культуры, которыми быт монголов XIII в. отличался от быта современных кочевников, в том числе гораздо более широкое употребление колесных повозок, о чем постоянно говорится и в „Сокровенном сказании“. Все это показывает, что и после книжки Б. Я. Владимирцова для историка Чингис-хана и его эпохи остается обширное поприще, но несколько не отражается на оценке самой книжки, значение которой определяется не тем, чего в ней нет, а тем, что в ней есть и что, как уже было сказано в начале рецензии, представляет несомненный шаг вперед по сравнению с тем, что было раньше.

В. Бартольд.

Июнь. 1924.

◆ *М. С. Андреев.* Вещие сны, насколько примет и детская игра „Сорока — ворона“ среди некоторых народов, главным образом Средней Азии. Известия Главного Средне-азиатского Музея. Выпуск II. Ташкент. 1923 г. 8°, 1—34 стр.; тираж 600.

В первом отделе (стр. 7—21) своей хорошо изданной книжки автор табellarно сопоставляет толкования 38 снов, т. е. предметов, виденных во сне. Предметы эти, замечу, М. С. Андреевым помещены без всякой системы, даже вне алфавитной последовательности (рыба, мясо, корова, человек, верблюд....).

На стр. 22 следовало бы добавить о большом распространении в Туркестане рукописных и печатных сонников. И тогда приводимое автором, столь удивительное, на первый взгляд, единство в толковании снов у различных, казалось бы, народов, как бухарские евреи, казанские татары, таджики, кашгарские сарты и др., нашло бы себе объяснение.

Напр., в Средней Азии пользуется широким распространением „Снотолкователь патриарха Иосифа, сына Иакова“ на среднеазиатск.-турецк. языке¹⁾, и просмотр этого Снотолкователя показал мне, что большинство объяснений снов, данных в статье М. С. Андреева, до буквальности повторяют объяснения печатного

Снотолкователя, см. особен. №№ 1 (= 90), 2 (= 91; сравн. 92 и 96), 5 (= 62—64), 6 (= 24, 73, 80), 7 (= 22, 23, 62), 8 (= 62), 11 (= 45—46), 14 (= 4, 5, 14—17), 25 (= 67, 68), 28 (= 89), 31 (= 28), 38 (= 13)²⁾.

Все те народы, которые упоминаются у М. С. Андреева, объединяются исламом; у турецких племен, которые не подвергались влиянию ислама, и толкования снов будут отличаться от туркестанских толкований³⁾.

В дополнение к игре „Сорока — ворона“ или „Сорока — ворона“ (стр. 28—34) мне хочется отметить, что присказка о среднем пальце — „пойдем воровать“ (у горных и равнинных таджиков, стр. 31 и 33) встречается еще у турецкого, теперь сильно омонголившегося, народа хотонов⁴⁾ в С.-Зап. Монголии. На ряду с другими доводами, приведенными А. Н. Самойловичем в пользу связи хотонов с каракиргизами, и этот факт сходства в наименовании среднего пальца (в игре) у хотонов и таджиков, близких соседней каракиргизов, — не лишен интереса.

Ждем дальнейших выпусков „Известий“.

Сер. Малов.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

◆ Die Kunst der Hethiter. Mit einer Einleitung von Otto Weber. Orbis Pictus. Weltkunst-Buecherei, herausgegeben von Paul Westheim. Band 9. Verlag Ernst Wasmuth A. G. Berlin-s. a. — Искусство хеттов.

Одной из крупнейших проблем современного классического востоковедения несомненно является хеттский вопрос, ибо его окончательное разрешение должно пролить яркий свет на историческое про-

¹⁾ П. А. Поляков. Снотолкователь, приписываемый мусульманам ветхозаветному патриарху Иосифу. Джагатайский текст, русская транскрипция и рус. перевод. Под ред. Н. Ф. Катанова. Казань. 1901 г. (Отд. от. из Учен. Зап. Казан. Университета). Находящийся в Азиатском Музее в Ленинграде рукописный Сонник Иосифа из коллекции Н. Ф. Петровского (№ 23; 589 de) сильно отличается от этого казанск. издания.

²⁾ Первая цифра — по изданию М. С. Андреева, а цифры в скопках указывают на соч. П. А. Полякова.

³⁾ Образцы нар. литер. тюркск. племен, изд. В. В. Радловым. Тексты, собр. и перев. Н. Ф. Катановым. СПб. 1907, стр. 462—466 (переводы).

⁴⁾ Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общества, т. XXIII, вып. III—IV (Б. Я. Владимирцов и А. Н. Самойлович. Турецкий народец хотоны), стр. 282.